

DOI: 10.31857/S086919080022134-4

НА СРЕДОКРЕСТИИ КУЛЬТУР:
РУССКИЙ МОНГОЛЬСКИЙ АРХЕОЛОГ ВИТАЛИЙ ВОЛКОВ
(СТАТЬЯ-ВОСПОМИНАНИЕ)

© 2022

С.А. ПАНАРИН ^а

^а – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ORCID: 0000-0001-6906-4705; sergpanar@mail.ru

Резюме: Исследовательская деятельность советского археолога Виталия Васильевича Волкова (1933–2000) была необычной в том смысле, что вся протекала за пределами СССР, в Монголии. Уникальным был и его вклад в монгольскую археологию бронзового – раннего железного века. Это, во-первых, типологизация известных к началу 1990-х гг. оленных камней – стел со стилизованными изображениями оленей. Большинство из них находится на территории Монголии и 2/3, или около 400 камней, были открыты, описаны и систематизированы самим Волковым. Во-вторых, раскопки богатейшего по вещевым находкам и антропологическому материалу и скифского по культурной принадлежности Улангомского могильника V–III вв. до н.э. В-третьих, открытие первых на территории Монголии энеолитических погребальных памятников. В-четвертых, первичная фиксация и интерпретация петроглифов в каньоне р. Чулут; датируются они 3-м – концом 2-го тыс. до н.э. и содержат много прежде не встречавшихся изображений и композиций.

Экзистенциальный опыт Волкова не менее ценный, чем его научное наследие. С восьми лет Виталий воспитывался в семье отца Базарына Ширендыба – выдающегося монгольского историка и общественного деятеля, переводчика на встречах Сталина и Чойболсана, первого президента Академии наук МНР, человека замечательных личных качеств. Такая культурно синкретическая школа личностного становления оказала глубокое воздействие на мировосприятие Волкова, приучила его не мерять привычными мерками инокультурную социальную среду, а жить в ней. Сам он являл собой редкий тип человека, который, не заботясь о возрастной или статусной дистанции, оставаясь всегда простым в общении, вызывает при этом глубокое уважение. И он был человеком, который, зная Монголию как, наверное, ни один из побывавших в ней иностранцев, никогда не смотрел на монгольскую культуру и на разделяющих ее людей с позиции «старшего брата».

Ключевые слова: археология Монголии, оленные камни, Улангомский могильник, энеолитические погребения, петроглифы, детство в Улан-Баторе, Базарын Ширендыб, экзистенциальный опыт.

Для цитирования: Панарин С.А. На средокрестии культур: русский монгольский археолог Виталий Волков (статья-воспоминание). *Восток (Oriens)* 2022. № 5. С. 227–239. DOI: 10.31857/S086919080022134-4

ON THE CROSSING: RUSSIAN MONGOLIAN ARCHAEOLOGIST VITALY VOLKOV (REMEMBRANCE-CUM-ARTICLE)

© 2022

Sergei A. PANARIN ^a

^a – Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ORCID: 0000-0001-6906-4705; sergpanar@mail.ru

Abstract: *The research activity of Vitaly Volkov (1933–2000) was unusual in the sense that all of it took place outside the USSR, in Mongolia. His contributions to the Mongolian archaeology were also unique: a typology of the steles with stylized images of deer (most of them are located on the territory of Mongolia and more than 400 were discovered and described by Volkov); the excavations of the Scythian burial ground of the 5th – 3rd centuries BC near to Ulangom; the discovery of the first Aeneolithic burial sites in Mongolia; the primary fixation and interpretation of petroglyphs in the canyon of the river Chuluut dating back to the third – the end of the second millennium BC, with many previously unseen rock carvings.*

Volkov's life experience is no less valuable than his scientific legacy. From the age of eight, he was brought up in the family of his stepfather Bazaryn Shirendyb, an outstanding Mongolian historian and public figure, the first president of the Mongolian Academy of Sciences and a man of remarkable personal qualities. Such a culturally syncretic school of personal formation taught Volkov not to measure the social environment of another culture with the usual standards, but to live in it. He was a rare type of person who, not caring about status distance, at the same time arouses deep respect. And knowing Mongolia as none of the foreigners who visited it, he never looked at Mongolian culture and the people who shared it from the position of an "elder brother".

Keywords: archaeology of Mongolia, dear stones, Ulangom burial ground, Aeneolithic burial sites, petroglyphes, Bazaryn Shirendyb, childhood in Ulan-Bator, existential experience.

For citation: Panarin S.A. On the Crossing: Russian Mongolian Archaeologist Vitaly Volkov (Remembrance-cum-article). *Vostok (Oriens)*. 2022. No. 5. Pp. 227–239. DOI: 10.31857/S086919080022134-4

Название этого текста вызывает сразу два вопроса. Вопрос первый: почему «на средокрестии культур» и что в случае Волкова следует понимать под средокрестием? Ответом послужит, надеюсь, вся статья, но в особенности – её заключительная часть. Что касается метафоры, вынесенной в начало заголовка, то она довольно часто употребляется в культурологических и искусствоведческих текстах¹ и восходит к архитектурному термину «средокрестие» (англ. crossing, фр. croisee, нем. Vierung). Им в крестообразных по плану постройках, в первую очередь в романских и готических храмах, обозначается пространство пересечения продольного объема, или *нефа*, с объемом поперечным, или *трансептом*. Стоит отметить, что при равной ширине того и другого квадрат средокрестия выступает масштабным мерилем для всей постройки [*Российская академия художеств*]. Аналогичное мерило можно использовать – образно, конечно, – и при оценке личности человека, в становлении которого определяющими были обстоятельства жизни и судьбы, поместившие его в квадрат **равносильного** взаимодействия и взаимопроникновения двух культур. А Волков был именно такой, культурно средокрестной и благодаря этому масштабной личностью. Он действительно сформировался на средокрестии русского нефа и монгольского

¹ В качестве одного из последних примеров см.: [Стародубова, 2011].

транспента, двух культур – русской и монгольской. Обе они отразились в его мировосприятии, поведении, отношениях с людьми – отразились так сильно, ярко и непротиворечиво, что получился человек уникального экзистенциального опыта, не менее ценного, чем его научное наследие.

Другое дело, что человеческий масштаб его личности не был явлен на всеобщее обозрение ни внешностью, ни поведением. Не слишком проступал он и в речи: Волков, предпочитавший больше слушать, чем говорить, был едва ли не самым молчаливым из людей, которых я знал. Тем не менее он обладал особым обаянием, в котором и проявлялся с наибольшей силой масштаб его неординарной личности. Внешне оно было вроде бы и незаметным, однако настолько сильным, что позитивное эмоциональное восприятие Виталия у меня и, подозреваю, у других близко его знавших живо до сих пор и продлевает память о нем. Память, не уносимую «рекой времен», удивительным образом сохраняющую свежесть, несмотря на то что прошло уже более двух десятилетий после его смерти, а значит, исчезла сама возможность общения с ним.

Вопрос второй: почему не русский / советский и не монгольский археолог, а нераздельно – «русский монгольский»? Ответ сразу указывает на уникальность Волкова как учёного: ни до него, ни после него не было – я, во всяком случае, этого не знаю – русского по происхождению и советского по гражданству археолога, чья исследовательская деятельность вся протекала бы за пределами СССР, в другой стране – в Монголии. Уже поэтому он заслуживает двойного определения: «русский монгольский». Если же вспомнить, сколь велик был его вклад в археологическое открытие Монголии, то понимаешь: этого двойного определения он заслуживает тоже вдвойне.

Далее я коротко изложу биографию Волкова, так же коротко скажу о его основных научных достижениях, а напоследок попытаюсь показать, как и в чем на него повлияли детство в Монголии, монгольская повседневность и культура. При этом я буду опираться не только на научные тексты и воспоминания о нем, выдержанные в академическом стиле, но и на воспоминания свои собственные, иногда, возможно, слишком эмоциональные и «олитературенные». Они накопились за те 15 полевых сезонов, что я проработал вместе с ним в составе Советско-монгольской историко-культурной экспедиции (СМИКЭ).

I

Виталий Васильевич Волков родился 28 января 1933 г. в с. Усть-Карск Сретенского района Читинской области (ныне Забайкальский край). Умер от инфаркта в неполные 68 лет в Москве 23 ноября 2000 г.²

Отец Виталия, Василий Васильевич Волков, потомок ссыльного польского повстанца 1863 г., работал главным маркшейдером на золотодобывающем прииске «Золотые ключи». Мать, Зинаида Алексеевна Журавлёва, горный коллектор, родилась в многодетной семье смоленских крестьян, сосланных в 1930-е гг. в Сибирь. В 1939 г. отца Виталия перевели на работу в Иркутск, там он вскоре заболел и умер. Зинаида Алексеевна поступила на филологический факультет Иркутского пединститута, где и познакомилась с монгольским выпускником исторического факультета этого вуза Базарыном Ширендэвом, на русском языке называемом обычно Ширендыбом. В 1941 г. она вышла за него замуж и переехала с новым мужем и с восьмилетним сыном в Улан-Батор, где Виталий жил и учился до девятого класса.

Среднюю школу Виталий заканчивал в Москве, а в 1951 г. поступил на исторический факультет МГУ, где специализировался по кафедре археологии. Жил он в общежитии

² Сведения о родителях и основные вехи биографии В.В. Волкова даны по: [Виталий Васильевич Волков].

МГУ на Стромынке, где по устным воспоминаниям А.И. Дёмина³ близко сошелся с ярким талантливым человеком – будущим первым советским неомарксистом В.В. Крыловым⁴. Студентом участвовал в археологических экспедициях под руководством известного археолога С.В. Киселёва: в раскопках столицы Монгольской империи Карокурума (Хархорина) и Большого Салбыкского кургана в Хакасии [Дэвлет, Черных, 2002, с. 8]. После выпуска вернулся в Монголию; преподавал в Улан-Баторском университете и работал в Институте истории АН МНР научным сотрудником.

С 1962 г. Волков снова в Москве, где его взяли на работу в Институт археологии АН СССР. В 1966 г. он защитил кандидатскую диссертацию «Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии», в 1990 г. – докторскую «Центральная Азия и скифо-сибирская проблема». В 1969–1971 гг. он заведовал аспирантурой Института, в 1972–1977 гг. был учёным секретарем Института, в 1983–1985 гг. – учёным секретарем Отделения истории АН СССР, с 1994 г. возглавлял в Институте археологии Отдел бронзового века. С 1969 по 1992 г. был заместителем начальника СММКЭ и начальником отряда по изучению неолита и бронзы в её составе. Опубликовал около 50 научных работ, в том числе три монографии: «Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии» (Улан-Батор, 1967); «Оленные камни Монголии» (Улан-Батор, 1981; 2-е изд. – Москва, 2002); “Ulangom ein skythenzeitliches Graberfeld der Mongolei” («Улангом: скифский могильник в Монголии»), в соавторстве с Э.А. Новгородовой, С.Н. Кореневским и Н.Н. Мамоновой, с предисловием немецкого ученого Карла Йетмара (Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1982)⁵.

Еще обучаясь в МГУ, Виталий познакомился со студенткой-археологом Элеонорой Новгородовой⁶, дочерью якутского историка и общественного деятеля Афанасия Иннокентьевича Новгородова⁷. Они поженились и вместе уехали в Монголию. Там Новгородова тоже преподавала в университете и работала в Институте истории. Когда они вернулись в Москву, она стала сотрудницей Института востоковедения АН СССР и участвовала в работе СММКЭ. В 1979 г. супруги разошлись, а в 1980 г. Виталий встретил в Монголии Елену Жегалло⁸, ставшую его спутницей до конца жизни. У Волкова и Новгородовой было двое детей, сын Василий и дочь Елена, ставшая, как и ее родители, археологом.

II

Основные параметры исследований Волкова могут быть представлены следующим образом. **В пространстве:** практически вся Монголия, но с выраженной концентрацией на территории пяти западных аймаков: Архангайского, Баянхонгорского, Хубсугульского, Булганского, Завханского.

³ Александр Иванович Дёмин (1926–1991), востоковед, автор нескольких монографий по аграрным проблемам Ирана.

⁴ Владимир Васильевич Крылов (1934–1989), специалист по теории Маркса, развивавший её в 1970-е гг. на неофициальный и неидеологический лад. См. о нём [Фурсов, 2013].

⁵ К сожалению, книга эта труднодоступна: до сих пор не оцифрована и может быть только приобретена в печатном виде на сайте с характерным названием antiquarisch.de.

⁶ Элеонора Афанасьевна Новгородова (1933–1996), доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН.

⁷ Афанасий Иннокентьевич Новгородов (1902–1983), доктор исторических наук, профессор, автор работ по истории Гражданской войны в Якутии. См. о нем: [Иванова, 2019].

⁸ Елена Александровна Жегалло (род. в 1946 г.), старший научный сотрудник Палеонтологического института РАН, кандидат геолого-минералогических наук.

Во времени: в диапазоне от энеолита до эпохи гуннов (3-е тыс. до н.э. – начало 1-го тыс. н.э.), но с выраженным предпочтением памятникам бронзового и раннего железного века.

По объектам: а) оленные камни; б) погребения; в) наскальные изображения (петроглифы).

По «пикам» исследовательских достижений: а) открытие и/или систематическое описание более 450 оленных камней; б) раскопки Улангомского могильника; в) находки первых для Монголии энеолитических погребальных памятников; г) фиксация, частичная публикация и первичная интерпретация разновременных петроглифов в каньоне р. Чулут (монг. *Чулуутын гол*).

Теперь коротко скажу о каждом из этих «пиков» исследовательской работы Волкова, с акцентом именно на его личном вкладе в копилку монгольской археологии, опуская при этом многие детали, спорные вопросы и пояснения некоторых археологических терминов, значение которых легко выяснить в Интернете.

Оленные камни (монг. *цаа бугын чулуун*) [Волков, 2002, с. 13–22; Савинов, 2002, с. 10–12]. Это удлинённые каменные стелы, названные оленными потому, что на большинстве из них выгравированы единообразно стилизованные изображения оленей – с огромными ветвистыми рогами и клювообразной мордой (ил. 2)⁹, датируемые концом бронзового – началом железного века. Их находки засвидетельствованы во всём степном поясе Евразии – от Причерноморья на западе¹⁰ до верховий Амура на востоке. Время бытования – предположительно от конца 2-го до середины 1-го тыс. до н.э. На начало XXI в. было известно более 700 их местонахождений, основной массив, около 600, найден в Монголии и около 400, или 2/3 от общего количества, были введены в научный оборот именно Волковым. В его посвящённой этим камням книге представлено порядка 450 камней, в том числе 200 – с полной прорисовкой изображений. Сейчас общая численность известных ученым оленных камней увеличилась, преимущественно за счет открытий на Монгольском Алтае и в Баянхулгийском аймаке [Тишкин, 2013, с. 45], однако основной костяк их корпуса по-прежнему составляют «камни Волкова». Также до сих пор подавляющее большинство исследователей признают типологию Волкова, разделившего камни на три типа:

Тип I: монголо-забайкальский – с орнаментально-стилизованными изображениями оленей.

Тип II: саяно-алтайский – с условно-реалистическими изображениями животных.

Тип III: общеевразийский – без изображений животных.

В целом оленные камни интерпретируются как антропоморфные культовые сооружения, а камни численно преобладающего монгольско-забайкальского типа соотносятся с культурой плиточных могил и херексуров и датируются VII–VI вв. до н.э.

Улангомский могильник [Волков, 1978]. Погребальный комплекс, хотя бы немного возвышающийся над земной поверхностью, виден всем, и потому изначально становится приманкой для грабителей. Когда же он не выражен в рельефе, не видят его и археологи. Богатейший по инвентарю Улангомский / Чандманьский могильник, расположенный на северо-западе Монголии в окрестностях г. Улангома на изножье горы Чандмань, был таким скрытым памятником. Он был обнаружен при взятии грунта для ремонта дороги и исследован отрядом Волкова. Всего были раскопаны 146 погребений, из них 116 находились в коллективных захоронениях в листовенничных срубах, ещё 30 – в парных или одиночных погребениях в каменных ящиках. Погребальный обряд и инвентарь при обоих типах захоронений были идентичными. Оба типа в Монголии были встречены впервые, но, как показал Волков, они имеют аналогии в Туве. На этом основании он определил могильник

⁹ Иллюстрации 2 и 5 находятся на цветной вклейке.

¹⁰ Волков крайней западной точкой нахождения оленных камней полагал стелу в Зеэхаузене на р. Аланд, притоке Эльбы, однако в последние годы такая ее интерпретация была оспорена. См.: [Bemmann, 2016].

как близкий тувинскому изводу скифской культурной традиции и датировал его V–III вв. до н.э. Исследование улангомских черепов показало, что в составе погребённых преобладали европеоиды. Имелись и черепа с монголоидными признаками, причем в женской группе их доля была выше, чем в мужской [Мамонова, 1980, с. 67]. Почти у 20% погребённых в могильнике мужчин на черепах были обнаружены боевые травмы, нанесенные разного рода оружием [Наран, Тумэн, 1997, с. 124]. Оружие, кстати, составило немалую часть погребального инвентаря: бронзовые и костяные наконечники стрел, ножи, кинжалы, чеканы [Эрдэнэ-Очир, 2008]. Также были найдены керамические изделия, украшения в виде бус и бронзовые зеркала с художественной гравировкой в виде динамичных изображений оленей¹¹.

Энеолитические погребальные памятники [Хакимова, 2013, с. 129–130]. Первый из них, в местности Норовлийн уула на востоке страны, в 72 км от г. Чойболсана, случайно обнаруженный геологами, был обследован Волковым совместно с монгольским археологом Н. Сэр-Оджавом¹². В могильной яме овальной формы лежал головой на северо-запад густо посыпанный охрой скелет человека. При расчистке погребения были найдены костяные и каменные украшения, свыше 3 тыс. пастовых бусин и кинжал с кремневыми вкладышами. Вскоре в Баянхонгорском и Архангайском аймаках были открыты прежде не известные в Монголии курганы афанасьевского типа. Пять из них, из могильников Алтан-санда и Шатар-чулуу, были раскопаны. Везде были обнаружены густо посыпанные охрой костяки, лежавшие на спине с согнутыми ногами: в трёх курганах ориентированные головой на запад, в двух – на восток. Инвентарь отсутствовал, за исключением одного кургана, где нашли черепки с резным орнаментом.

Наскальные рисунки в каньоне р. Чулут [Новгородова, 1984, с. 34–42]. Первое из их скоплений, встречающихся по обоим берегам реки на протяжении 170 км и в общей сложности насчитывающих тысячи рисунков, уникальных по ряду деталей, были открыты в 1977 г. иркутским геологом Павлом Ковалём (ил. 3). В 1977–1979 гг. чулутские петроглифы были обследованы и выборочно скопированы Волковым и Новгородовой (при участии автора). Часть петроглифов с так называемыми хороводами рожениц, как будто свидетельствующими о культе плодородия, Новгородова отнесла к энеолитическому времени. По геологическим и биологическим данным она датировала их 3-м тыс. до н.э. Ещё больше на Чулуте петроглифов, соотносимых с карасукской культурой середины – конца 2-го тыс. до н.э.: сцены охоты, изображения солнцеголовых оленей и воинов в грибовидных головных уборах; особо стоит отметить, видимо, древнейшие изображения колесниц – революционного для своего времени средства ведения войны. Присутствуют на Чулуте и многочисленные петроглифы раннего железного века, перекликающиеся с памятниками скифского звериного стиля, в том числе с изображениями животных на излюбленных Волковым оленных камнях.

III

Напомню: Волков больше любил слушать, чем говорить, и в этом смысле не походил на большинство русских, каковые, согласно шуточной этногенетической классификации Антоши Чехонте, произошли не от обезьяны, а от сороки. И всё же иногда он кое-что рассказывал из того, чему был свидетелем или участником. Один из таких рассказов, на мой взгляд, свидетельствует, что в его памяти и личности оставили глубокий след некоторые впечатления иркутского детства. Рассказ этот был о том, какую ответственную

¹¹ Большинство находок было зафиксировано не только в фотографиях, но и в рисунках, сделанных мною тушью и акварелью в цвете. Предположительно, все они остались в издательстве Otto Harrassowitz.

¹² Намсрайн Сэр-Оджав (1923–1990), доктор исторических наук, долгое время заведовавший сектором археологии и этнографии Института истории Академии наук МНР.

роль исполнял маленький Виталий в кулачных боях между представителями различных социальных или территориальных общностей (в дореволюционном Иркутске бои эти происходили регулярно¹³ и, как видно из воспоминаний Волкова, случались и на рубеже 1930-х – 1940-х гг.). Роль эта требовала немалой отваги, хорошего знания и творческого использования уничижительной, в том числе ненормативной, лексики и – умения быстро бегать. Заключалась же она в том, чтобы выскочить перед фронтом «врагов», всяко их поносить и так довести до состояния, после которого побоище становилось неизбежным, а самому быстро славировать прочь от разъярённых «стенки», с двух сторон несущихся друг на друга.

После переезда в Монголию на формирование Волкова очень сильно повлияли приемный отец и жизнь в Улан-Баторе 1940-х гг. Впрочем, то, какие стороны этой жизни открылись Виталию и какие её особенности оставили в его характере значимый след, тоже в значительной степени определялось личностью отчима. По возвращении из Иркутска в Монголию Ширендыб (ил. 4) сначала работал референтом-переводчиком у Чойболсана. В этом качестве он не раз бывал в Кремле и настолько поразил своим совершенным русским языком Сталина, что тот публично назвал Ширендыба «профессором русского языка» и в ходе различных встреч с Чойбалсаном трижды провозглашал тост в честь впечатлившего его переводчика [Болдохонов, 2012, с. 52–53]. «Профессор» быстро вырос в крупного учёного-историка. В 30 лет он стал первым ректором Монгольского государственного университета, в 39 – первым президентом Академии наук МНР, в последующие годы – иностранным членом Академий наук СССР, Венгрии, Чехословакии, Польши. Вдобавок, он периодически занимал важные посты в административно-политической иерархии Монгольской Народной Республики [*Базарын Ширендэв*]. Но, несмотря на головокружительную карьеру, он не вознесся на котурнах собственной значимости, отгородившись высоким статусом от «малых сих», а всегда, во всём и со всеми оставался человеческим человеком. Это в один голос признают авторы воспоминаний о нём, о том же говорит и мой маленький опыт общения с ним.

Так получилось, что перед началом одного из полевых сезонов мы с Волковым жили в небольшой квартире на одной лестничной клетке с квартирой Ширендыба. Однажды, когда Виталий отсутствовал, в дверь позвонили. Открыв, я увидел перед собой президента АН МНР. «Серёжа, – сказал он, – у нас на площадке лампочка перегорела, верни новую». Слегка опешив – не столько от неожиданности, сколько от внезапно представившейся фантастической картинке, будто ко мне с той же просьбой и в аналогичной форме обращается тогдашний президент АН СССР М.В. Келдыш, – я залез на стремянку и сменил лампочку. Ширендыб-гуай поблагодарил и ушёл к себе, а я вернулся к прерванному чтению, совершенно не предполагая, что будет продолжение. Но я ошибся. Минут через 20 снова позвонили. На сей раз передо мной предстала Зинаида Алексеевна с полной – с горкой – тарелкой свежепожаренных котлет, принесённых ею в благодарность за мою ничтожную услугу. Котлеты оказались очень вкусными; но ещё больше я был впечатлен самим этим актом человечности, проявленной по отношению ко мне – никому, кроме друзей и близких, не известному лаборанту – всемирно известным учёным и его женой. Актом, и тогда, и теперь немыслимым для меня в пределах родной страны...

Ширендыб-гуай был очень разносторонним человеком, в котором лучшее из наследия традиционной монгольской кочевой и, одновременно, буддистской монастырской культуры¹⁴ счастливо соединилось со способностью – тоже в значительной мере имманентной этой

¹³ См., например: [Романов, 1993, с. 339].

¹⁴ Сам Ширендыб считал, что монастырская школа своей методикой обучения способствовала развитию и закреплению на всю жизнь его памяти, поражавшей собеседников [Болдохонов, 2012, с. 53].

культуре – ценить, воспринимать и глубоко усваивать новое. В то же время критический аналитический склад ума соединялся в нём с эстетической одаренностью, способностью тонко чувствовать и прекрасно передавать красоту природы¹⁵. Он писал стихи, которые не публиковал, считая их недостаточно совершенными, и был автором либретто балетного спектакля «Чудо-мастер Уран Хас» [Болдохонов, 2012, с. 54], созданного на основе новеллы Бямбын Ринчена «Шүхэрч Буниа» («Летатель Буния»)¹⁶, музыка которого, написанная Жамьянгийнгом Чулууном, и в особенности адажио и вальс, справедливо расцениваются монгольскими музыковедами как шедевры мировой музыкальной культуры [Оуюнчимег, 2019]. Вкупе с большим и разнообразным жизненным опытом всё это наделило его способностью, словно от природы данной – а на деле являвшейся следствием уважения им достоинства маленькой личности пасынка – не стеснять свободу ребенка, поддерживать, а то и инициировать его увлечения, исподволь помогать его самоутверждению в жизни в разных ее проявлениях. Он не раз брал Виталия с собой на многодневную охоту и рыбалку, а когда тому исполнилось 14 лет, подарил охотничье ружьё. Непроизвольно, просто примером и практикой своей собственной подвижности он привил приёмному сыну тягу к пространственной мобильности и выносливость к перемещениям – и тот ещё в юности прекрасно освоил всё, что эти перемещения могло ускорить – и верховую езду, и мотоцикл, и автомобиль [Дэвлет, Черных, 2002, с. 7]. Он научил Виталия тонкостям разговорной монгольской речи, монгольскому этикету (как входить в юрту, как принимать угощение, вести беседу и т.д.) и старомонгольскому письму; и он в значительной мере повлиял на выбор Виталием профессии археолога [Базарын, 2013, с. 28].

Можно резюмировать так: Ширендыб растил Волкова как настоящего мужчину, на которого всегда можно положиться. И преуспел в этом в первую очередь потому, что, любя пасынка как родного сына, в общении с ним следовал принципу: «Семья может воспитать ребенка только в том случае, если сама будет воспитана ребенком» [Эрикссон, 1996, с. 105].

IV

Такое детство, такая своеобразная, культурно синкретическая школа личностного становления не могли не оказать глубокого воздействия на мальчика, подростка, юношу, эту школу прошедшего. Виталий Васильевич Волков знал и понимал Монголию и её народ, наверное, как ни один из многих тысяч иностранцев, в ней побывавших. С 20-х гг. XX века и по сей день много сказано о евразийской культурной общности или цивилизации, объединяющей русских, тюрков и монголов, и даже о евразийском типе личности. Сказано это было людьми, жившими в больших городах, либо просто европейских по духу (как Прага и Париж), либо близких европейским по организации пространства, преобладающим занятиям населения, стилю жизни (как Москва и Петербург, Алматы и Улан-Удэ). И сказано людьми, за редким исключением представлявших себе и читателям Степь с большой буквы – как некий собирательный историко-культурный образ, сконструированный в библиотеках и кабинетах, но не знавшими просто степь, ею не проникнувшимися, не полюбившими её всем сердцем. Степь, формально пишущуюся со строчной буквы, но такую великую, так увлекающую, так чарующую своими пьянящими ароматами, бесконечными далями, быстрыми неумолчными реками, сильнее же всего – тем раскинувшимся над нею небом, которое монголы зовут *өндөр хөх тэнгэр* – высоким синим небом. В этой степи любые увлекательные построения на её счет кажутся искусственными; в этой степи природа по-прежнему не дает человеку расслабляться; и именно в этой степи Волков чувствовал себя

¹⁵ См., например: [Ширендыб, 2013, с. 19].

¹⁶ Подробнее см.: [Дашибалова, 2020, с. 87–88].

как дома. В ней он расцветал, как-то даже физически распрямлялся – и тогда достаточно было посмотреть на него, сидящего верхом на косматой монгольской лошадке (ил. 5), чтобы увидеть настоящего, естественного, а не сочинённого человека Евразии.

Безусловно, он был русским по преимуществу. Но и эта его русскость была иной, чем у всех нас, работавших с ним в Монголии. В восемь лет попав в Улан-Батор, он под влиянием своего замечательного отчима быстро приучился не мерить привычными мерками непривычную поначалу социальную среду, а жить в ней. И эта жизнь в монгольской среде его сформировала как человека. Она сделала это даже в физическом смысле. Его долго отличала необычайная острота зрения, тут он мог сравняться с любым аратом¹⁷. А что за зрительная память у него была, какая способность к ориентации в пространстве! Стоило ему раз-другой проехать по какой-то местности, и он надолго, если не навсегда запоминал надёжный ориентир, заменявший ему при передвижении компас, которым он никогда не пользовался, – рисунок гор на горизонте. Но, конечно, не только в этом сказывалось глубокое воздействие Монголии на его личность. Он хорошо знал монгольский язык, свободно разговаривал на нем на любые темы. Он был удивительно непринтлив даже в Улан-Баторе, тем более непринтлив в поле. Он был замечательным водителем, УАЗик был так же от него неотлучен, как конь от монгола: нередко он в нём и спал, и читал любимые им детективы, и писал полевой дневник. А уж перемещаться в нём по стране он мог, как настоящий монгол, сутки за сутками, проводя каждый день за рулем и по восемь, и по десять, и по двенадцать часов – с одной короткой остановкой на то, чтобы сделать чай.

Всё это составляло видимую, легко заметную сторону его индивидуальности в её «монгольском исполнении». Но были в нём и другие, не столь очевидные следы аккультурации. Например, меня всегда поражало, как совершенно не по-советски вёл он себя с проштрафившимися подчинёнными. В этих случаях он умел воздействовать на человека так, что тот чувствовал себя одновременно и виноватым, и не униженным начальником. Долгое время я считал эту способность сугубо индивидуальным качеством, унаследованным от отчима; но после того, как несколько раз случайно наблюдал нечто подобное во взаимоотношениях между монголами, подумал: а не тот ли это случай, когда личная человечность Волкова, всегда его выделявшая, получила дополнительную силу во впитанной им монгольской культурной традиции? В Монголии он сформировался как тот редкий тип человека, который, совершенно не заботясь о возрастной или статусной дистанции, оставаясь всегда исключительно простым в общении, вызывает при этом подлинно глубокое уважение. В его отряде было спокойно и тепло, с его отрядом любили встречаться другие отряды, и не только входившие в состав СМИКЭ, но и геологи и палеонтологи, и кратковременное общение, кратковременный «съезд» полевых друзей где-нибудь на Чулуте оставлял у всех его участников незабываемое ощущение братства.

Хотя, несмотря на глубокую, **естественную** погруженность в монгольскую культуру, Волков не отождествлял себя с нею, ни разу за 15 совместных полевых сезонов я не увидел, не услышал, не почувствовал даже намека на то, что он смотрит на эту культуру и на разделяющих ее людей свысока, с позиции «старшего брата», культутрегера, которой, что уж скрывать, грешили многие советские граждане, работавшие в социалистической Монголии¹⁸. Есть у меня сильное подозрение, что и евразийцы-теоретики, попади они в юрту и в настоящую степь, далеко не показали бы в своем большинстве той исключительной, естественной, непоказной терпимости к инокультурному, какая была органично присуща Виталию Васильевичу Волкову. Вот его действительно можно было бы назвать евразийцем от жизни и по жизни. Хотя у него самого это почти наверняка вызвало бы ироническую улыбку, такую памятную...

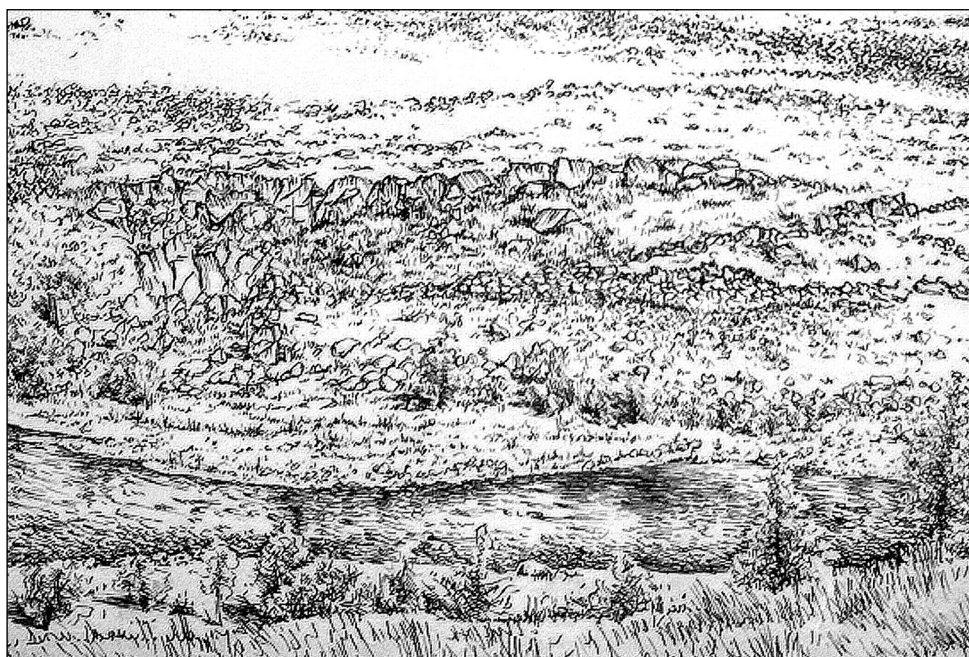
¹⁷ Здесь и далее – на основе оставшихся в памяти личных наблюдений.

¹⁸ См. в этой связи: [Панарин, 2014].

Ил. 1. В.В. Волков в начале 1980-х гг. Фото для загранпаспорта, предоставлено Е.А. Жегалло.

Fig. 1. V.V. Volkov in the early 1980s. Passport photo, courtesy of E.A. Zhegallo.

Ил. 3. Вид на первое обследованное отрядом В.В. Волкова местонахождение петроглифов Чулута. Рисунок автора, сделанный с противоположного берега реки.

Fig. 3. The first Chulut petroglyphs location examined by the Volkov's team. View from the opposite bank of the river. Drawing by the author.

Ил. 4. Базарын Ширендыб.

Fig. 4. Bazaryn Shirendyb.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Базарын Ширендыб в воспоминаниях родственников. *Б. Ширендыб и С.Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей (к 100-летию со дня рождения)*. Сост. и отв. ред. В.В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2013. С. 23–28 [Bazaryn Shirendyb in the Memoirs of Relatives. *B. Shirendyb and S.D. Dylykov in the Memory of Relatives, Colleagues and Friends (to the 100th Anniversary of Their Birth)*. V.V. Grajvoronskij (ed.). Moscow: IOS RAS, 2013. Pp. 23–28 (in Russian)].

Базарын Ширендэв. *Монгольская вики-Энциклопедия* [Bazaryn Shirendyb. *Mongolian wiki-Encyclopedia* (in Russian)] http://mongol.su/wiki/index.php/Базарын_Ширэндэв/ (accessed: 18.01.2022).

Болдохонов К.Б. Его девиз быть первым. Штрихи к портрету академика Ширендыба. *Б. Ширендыб и С.Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей (к 100-летию со дня рождения)*. Сост. и отв. ред. В.В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2012. С. 42–54 [Boldokhonov K.B. His Motto Was to Be First. Some Touches to the Portrait of Academician Shirendyb. *B. Shirendyb and S.D. Dylykov in the Memory of Relatives, Colleagues and Friends (to the 100th Anniversary of Their Birth)*. V.V. Grajvoronskij (ed.). Moscow: IOS RAS, 2012. Pp. 42–54 (in Russian)].

Виталий Васильевич Волков. *Монгольская вики-Энциклопедия* [Vitalii Vasilievich Volkov. *Mongolian wiki-Encyclopedia* (in Russian)] http://mongol.su/wiki/index.php/Виталий_Васильевич_Волков (accessed: 18.01.2022).

Волков В.В. Улангомский могильник. *Археология и этнография Монголии*. Отв. ред. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1978. С. 101–107 [Volkov V.V. Ulangomsky Burial Ground. *Archeology and Ethnography of Mongolia*. A.P. Okladnikov (ed.). Novosibirsk: Nauka, 1978. Pp. 101–107 (in Russian)].

Волков В.В. *Оленные камни Монголии*. М.: Научный мир, 2002 [Volkov V.V. *Deer Stones of Mongolia*. Moscow: Nauchnyi mir, 2002 (in Russian)].

Дашибалова Д.В. К вопросу об архитектонике исторических новелл Б. Ринчина. *Культура Центральной Азии: письменные источники*. 2020. № 13. С. 82–90 [Dashibalova D.V. Some Remarks on the Architectonics of Historical Short Stories by B. Rinchin. *The Culture of Central Asia: Written Sources*. 2020. No. 13. Pp. 82–90 (in Russian)]. Дэвлет М.А., Черных Е.Н. Памяти Виталия Васильевича Волкова. Волков В.В. *Оленные камни Монголии*. М.: Научный мир, 2002. С. 7–9 [Devlet M.A., Chernykh E.N. In Memory of Vitalii Vasilievich Volkov. Volkov V.V. *Deer Stones of Mongolia*. M.: Nauchnyi mir, 2002. Pp. 7–9 (in Russian)].

In Memory of Vitaly Vasilievich Volkov. Volkov V.V. *Deer Stones of Mongolia*. Moscow: Nauchnyi mir, 2002. Pp. 7–9 (in Russian)].

Иванова А. Взлеты и падения пасынка истории Афанасия Новгородова. *Без формата*. 11.02.2019 [Ivanova A. The Ups and Downs of the Stepson of History Afanasy Novgorodov. *Bez formata*. 11.02.2019 (in Russian)] <https://yakutsk.bezformata.com/listnews/pasinka-istorii-afanasiya-novgorodova/10833783/> (accessed: 18.01.2022).

Мамонова Н.Н. Антропологический тип древнего населения Западной Монголии по данным палеоантропологии. *Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР – Сб. МАЭ. Т. XXXVI*. Л.: Наука, 1980. С. 60–74 [Mamonova N.N. Anthropological Type of the Ancient Population of Western Mongolia according to Paleoanthropology Data. *Research on Paleoanthropology and Craniology in the USSR – Museum of Anthropology and Ethnography: A Collection of Articles*. Vol. 36. Leningrad: Nauka, 1980. Pp. 60–74 (in Russian)].

Наран Б., Тумэн Д. Травматические повреждения на черепах Чандманьского могильника. *Российская археология*. 1997. № 4. С. 122–129 [Naran B., Tumen D. Traumatic Injuries on the Skulls from the Chandman Burial Ground. *Russian Archaeology*. 1997. No. 4. Pp. 122–129 (in Russian)].

Новгородова Э.А. *Мир петроглифов Монголии*. М.: Наука, 1984 [Novgorodova E.A. *The World of Petroglyphs in Mongolia*. Moscow: Nauka, 1984 (in Russian)].

Оюунчимег Ц. Реценз: Уран хас. *Zindaa*, 2019 оны 10 сарын 02 <https://news.zindaa.mn/2wjik> [in Mongolian] (accessed: 01.02.2022).

Панарин С.А. Курица не птица? Воспоминания о социалистической Монголии. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*. 2014. № 6. С. 66–76 [Panarin S.A. Chicken is not a Bird? Memories of Socialist Mongolia. *Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*. 2014. No. 6. Pp. 66–76 (in Russian)].

Романов Н.С. *Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг.* Иркутск: Восточно-Сибирское книж. изд-во, 1993. [Romanov N.S. *The Annals of the City of Irkutsk for 1881–1901*. Irkutsk: East Siberian Publishing House, 1993 (in Russian)].

Российская академия художеств. *Словарь терминов* [Russian Academy of Arts. *Dictionary of Terms* (in Russian)] <https://www.rah.ru/science/glossary/?ID=19584&let=%D0%A1&> (accessed: 13.01.2022).

Рукавишникова И.В. *Оленные камни Уушкийн увэра (Монголия). Образы и композиция (по материалам раскопок 2013 года)*. Презентация доклада [Rukavishnikova I.V. *Dear Stones of Uushkiin Uver (Mongolia). Images and composition (based on excavations of 2013)*. Presentation of the Report (in Russian)] <https://docs.yandex.ru/docs/view...26keyno%3D0%26nosw%3D1> (accessed: 18.01.2022).

Савинов Д.Г. К переизданию книги В.В. Волкова «Оленные камни Монголии». Волков В.В. *Оленные камни Монголии*. М.: Научный мир, 2002. С. 10–12 [Savinov D.G. On the Reprint of the Book by V.V. Volkov “Deer Stones of Mongolia”. Volkov V.V. *Deer Stones of Mongolia*. Moscow: Nauchnyi mir, 2002 (in Russian)].

Стародубова Т. Пальмира: средокрестие культур Востока и Запада, античности и раннего средневековья. *Искусствознание*. 2011. № 3–4. С. 195–232 [Starodubova T. Palmyra: A Crossing of Cultures from the East and the West, and of Antiquity and the Early Middle Ages. *Art History*. 2011. No. 3–4. Pp. 195–232 (in Russian)].

Тишкин А.А. «Оленные» камни как отражение культа предков и вождей: результаты изучения археологических комплексов в долине Буянта (Монгольский Алтай). *Краткие сообщения Института археологии РАН*. 2013. Вып. 229. С. 44–56 [Tishkin A.A. The “Deer” Stones as an Evidence of the Ancestors-cum-Chieftans Cult: Results of the Study of Archaeological Complexes in the Buyant Valley (Mongolian Altai). *Brief Reports of the Institute of Archaeology*. 2013. Issue. 229. Pp. 44–56 (in Russian)].

Фурсов А.И. Еще один «очарованный странник». *Разумей.ру*. 07.02.2013 [Fursov A.I. Another “Fascinated Wanderer”. *Razumei.ru*. 07.02.2013 (in Russian)] <https://www.razumei.ru/lib/article/1759?> (accessed: 04.02.2022).

Хакимова Э.О. Вклад Советско-монгольской историко-культурной экспедиции в изучение бронзового и железного веков Монголии. *Россия и АТР*. 2013. № 4 (82). С. 128–136 [Khakimova E.O. The Contribution of the Soviet-Mongolian Historical and Cultural Expedition to the Study of the Bronze and Iron Ages in Mongolia. *Russia and the Pacific*. 2013. No. 4 (82). Pp. 128–136 (in Russian)].

Ширендыб Б. Более чем полвековое научное сотрудничество. *Б. Ширендыб и С.Д. Дылыков в памяти родственников, коллег и друзей (к 100-летию со дня рождения)*. Сост. и отв. ред. В.В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2013. С. 9–20 [Shirendyb B. More than Half a Century-Long Scientific Cooperation. *B. Shirendyb and S.D. Dylykov in the Memory of Relatives, Colleagues and Friends (to the 100th Anniversary of Their Birth)*. V.V. Grajvoronskij (ed.). Moscow: IOS RAS, 2013. Pp. 9–20 (in Russian)]

Эрдэнэ-Очир. Вооружение воинов чандманьской культуры раннего железного века Монголии. *Studia Archaeologica*. 2008. Т. (VI) XXVI. Fasc. 12. Тал. 235–257 [Erdene-Ochir. The Mongolia early Iron Age Chandman Culture: Armament of the Warriors. *Studia Archaeologica*. 2008. T. (6) 26. Fasc. 12. Pp. 235–257 (in Russian)].

Эрикссон Э. *Идентичность: юность и кризис*. М.: Прогресс, 1996 [Eriksson E. *Identity: Youth and Crisis*. Moscow: Progress, 1996 (in Russian)].

Bemmann J. Hirschstein oder neolithischer Menhir? Zwei konkurrierende Interpretationen zu einem ungewöhnlichen Steindenkmal in Sachsen-Anhalt. *Prähistorische Zeitschrift*. 2016. Aus. 91. No. 2. S. 495–510.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

ПАНАРИН Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, руководитель Центра исследования общих проблем современного Востока, Институт востоковедения РАН.

Sergei A. PANARIN, PhD (History), Head of the Department for the Study of Common Problems of the Contemporary East, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia.